

На правах рукописи

ИОКША Роман Николаевич

**«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ И
СОКРАЩЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ В 2000-2024 ГГ.»**

Специальность 5.6.7. – История международных отношений и внешней
политики

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва, 2025

Работа выполнена на кафедре международных отношений и внешней политики в ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД России»
Каширина Татьяна Владиславовна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»
Манойло Андрей Викторович

кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела (координации, мониторинга научных исследований, планирования, организации контроля научной работы и подготовки научных кадров) Научно-исследовательского института (военной истории) ФГКВОУ ВО «Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации»
Кузнецов Алексей Андреевич

Ведущая организация: ФГКВОУ ВО «Военная академия ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого» Министерства обороны Российской Федерации

Защита состоится «___» _____ 202___ г. в ___ часов на заседании диссертационного совета 05.2.001.02, созданного на базе ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1 и на сайте www.dipacademy.ru

Автореферат разослан «___» _____ 202___ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.истор.н., доцент

Епифанова Т.В.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования политики России в сфере контроля и сокращений вооружений обусловлена следующими факторами. Во-первых, налицо глубокий системный кризис архитектуры международной безопасности. Ситуация достигла критической точки, что делает исследование политики России в сфере контроля над вооружениями особо актуальным, так как её действия имеют судьбоносное значение для будущего стратегической стабильности. Во-вторых, сложилась критическая ситуация вокруг последнего договора СНВ-3 (ДСНВ). Истечение срока действия Договора СНВ-III в 2026 году без замены его новым соглашением создаст беспрецедентный за 40 лет правовой вакуум и может спровоцировать неконтролируемую гонку стратегических вооружений. В-третьих, неразрывна связь контроля над вооружениями с общим военно-политическим противостоянием. Диалог по стратегической стабильности стал невозможен без урегулирования фундаментальных политических противоречий, в первую очередь украинского кризиса. Контроль над вооружениями превратился из технической сферы в элемент широкого противоборства. В-четвертых, произошло усложнение ситуации из-за многополярности и «китайского фактора». Требования США включить Китай в будущие договорённости и отказ последнего участвовать в них до масштабного сокращения российских и американских арсеналов создают трёхстороннюю дилемму, кардинально затрудняющую формирование новой договорной базы. В-пятых, предельно серьезны глобальные последствия и угроза фундаментальной трансформации системы безопасности. Исход текущей ситуации определит, удастся ли сохранить минимальные рамки договорённостей или мир вступит в эпоху тотальной ядерной неопределенности, от чего напрямую зависит безопасность всего человечества.

Объект исследования - внешняя политика России. **Предмет** исследования – эволюция внешней политики России по контролю и сокращению вооружений в 2000-2024 гг.

Хронологические рамки исследования. Нижней точкой исследования является 2000 год, когда в результате выборов к власти пришел российский президент В.В. Путин и началось формирование внешней политики на основах интеграционизма и прагматизма; была принята впервые в постбиполярный период обнародованная Военная доктрина России. Верхней границей исследования является 2024 год, когда Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991 были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», закрепившие принципы ядерного сдерживания и роль ядерного оружия в условиях усиливающейся конфронтации с Западом и продолжения Специальной военной операции.

Степень разработанности темы. В отечественной историографии присутствует дефицит комплексных обобщающих исследований политики

России в сфере разоружения в 2000-2024 гг. в контексте новых вызовов и угроз безопасности. Хотя отдельные аспекты исследуемой темы нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых, комплексное изучение проблемы предпринимается впервые.

Различным аспектам международной и национальной безопасности, трансформации международных отношений посвящены труды О.Г. Карповича¹, Е.Н. Пашенцева², Т.А. Закаурцевой, М.А. Неймарка, Д.С. Миргородского³, Т.В. Епифановой⁴, А.Ю. Рудницкого⁵, Т.В. Зверевой⁶, С.В. Воробьева⁷, В.В. Штоля⁸, К.П. Курылева⁹, О.В. Матвеева¹⁰.

Исследованию формирования концептуальных и нормативно-правовых основ внешней политики России в сфере контроля над вооружениями посвящены работы В.А. Орлова¹¹, Р.М. Тимербаева, А.В. Хлопкова¹¹, М.А. Лебедева¹², Т.В. Кашириной¹³, Е. Коренева¹⁴, К.М. Одисеева¹⁵, А.Г. Арбатова¹⁶.

¹ Карпович О.Г., Добровольский В.Н. Современный мир: проверка на прочность // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 1 (43). С. 151-164; Карпович О.Г., Шангаев Р.Н. Новые цифровые военные технологии Запада на Украине против России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 3 (41). С. 6-21.

² Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае // Современная Европа. 2024. № 6 (127). С. 156-167.

³ Закаурцева Т.А., Неймарк М.А., Миргородский Д.С. Еще один взгляд на французский ядерный арсенал: вчера-сегодня-завтра // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 55-66.

⁴ Епифанова Т.В. Понятие интеграции в Стратегии национальной безопасности Дж.Байдена. В сборнике: Межгосударственное сотрудничество и интеграционные процессы в Латинской Америке и на Северо-Американском континенте. материалы круглого стола. Москва, 2024. С. 18-24.

⁵ Рудницкий А.Ю. Историческая политика в контексте национальной и международной безопасности.

В сборнике: Границы культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIX всероссийской научной конференции с международным участием: сборник статей. Москва, 2025. С. 299-306.

⁶ Зверева Т.В., Закаурцева Т.А. Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 1 (27). С. 51-68.

⁷ Воробьев С.В. Влияние ядерного фактора на кризисное состояние современной системы международных отношений. / В сборнике: Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 125-129.

⁸ Егоров В.Г., Штоль В.В. Внешнеполитическая стратегия стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 73-90.

⁹ Курылев К. П. Советская внешняя политика 1960-1980-х годов: эклектичность и противоречивость // Свободная мысль. 2024. № 2 (1704). С. 161-176.

¹⁰ Матвеев О.В., Штоль М.В. Советский опыт обеспечения безопасности в Арктике // Обозреватель. 2023. № 1 (396). С. 101-114.

¹¹ Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях : История, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия / В.А. Орлов, Р.М. Тимербаев, А.В. Хлопков. М.: ПИР-Центр полит. исслед., 2001. - 327 с.

¹² Лебедев М.А. Основные противоречия в российско-американских отношениях в период «Перезагрузки» // Власть. 2012. №7. С.144-146.

¹³ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

В работе Т.В. Кашириной проанализированы российские документы стратегического планирования, как действующие, так и перспективные нормативно-правовые и внешнеполитические акты. На основе проекта «Основ государственной политики в области ядерного сдерживания», представленного Президентом России, аргументируется потребность в корректировке ядерной стратегии страны. Данная необходимость вызвана появлением новых источников военных угроз и рисков для Российской Федерации и ее союзников¹⁷. Работа А.Г. Арбатова посвящена эволюции процесса разоружения, начиная с периода советско-американской разрядки. Действия двух «партнеров» по переговорам в рамках приостановления участия России в ДСНВ-3 рассмотрены автором в контексте их соответствия российским концептуальным документам, в частности, Концепции внешней политики¹⁸. Исследование К.М. Одибоева анализирует ключевые изменения в обновлённой ядерной доктрине России 2024 года. Автор указывает, что в документе расширен перечень военных угроз, для нейтрализации которых может быть применено ядерное оружие, включая действия неядерного государства при поддержке ядерной державы, а также массированный запуск высокоточных обычных вооружений. Обновление доктрины было вызвано изменениями военно-стратегической обстановки и направлено на сдерживание политики недружественных стран¹⁹.

Политика России по заключению и реализации Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2024 гг. рассмотрена в трудах А.С. Дьякова., П.Л. Подвига²⁰, Л. Ивашова²¹, Н. Серовой²², А. Федякиной²³, Т.В. Кашириной²⁴, Т. Замахиной, Г. Мисливской²⁵, С.В. Понамарева²⁶.

¹⁴ Коренев Е. «Осажденная крепость» с открытыми воротами. Новая Стратегия национальной безопасности РФ. 4 августа 2021. [URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/-osazhdennaya-krepost-s-otkrytymi-vorotami-novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/>](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/-osazhdennaya-krepost-s-otkrytymi-vorotami-novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/) (дата обращения 25.04.2025)

¹⁵ Одибоев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» 2024 года. [URL:<https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrance/>](https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrance/) (дата обращения 15.04.2025)

¹⁶ Арбатов А.Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №7. С.5-24.

¹⁷ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

¹⁸ Арбатов А.Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №7. С.5-24.

¹⁹ Одибоев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» 2024 года. [URL:<https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrance/>](https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrance/) (дата обращения 15.04.2025)

²⁰ Дьяков А.С., Подвиг П. На повестке дня договор СНВ-3. URL:http://nvo.ng.ru/concepts/2000-05-26/4_snv3.html (дата обращения 20.11.2021)

²¹ Леонид Ивашов: Нынешний договор СНВ-3 погубит Россию. [URL:<http://svpressa.ru/politic/article/23062>](http://svpressa.ru/politic/article/23062) (дата обращения 09.09.2022)

В статье А. Федякиной освещается решение Конгресса США в 2011 г. временно приостановить финансирование выполнения Договора СНВ-3. Данный шаг объяснялся американской стороной несогласием с военными программами России, не подпадающими, по мнению Вашингтона, под ограничения договора. Автор указывает, что это создает серьезное препятствие для дальнейшего процесса ядерного разоружения²⁷. В статье Т. Замахиной, Г. Мисливской²⁸ указывается, что продление договора СНВ-3 Крым позволяет сохранить последний действующий инструмент контроля над вооружениями между Россией и США. В статье С.В. Понамарева анализируется ситуация в стратегическом диалоге России и США после прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Автор выдвигает гипотезу, что целью политики США является последовательный демонтаж всей существующей системы двусторонних соглашений в сфере контроля над вооружениями, что подтверждается выходом из Договора по ПРО, прекращением действия ДРСМД и проблемами с продлением ДСНВ-III. На тактическом уровне, как отмечается в работе, США приводят неофициальные экспертные дискуссии в форматах "треков 1.5 и 2.0" с привлечением Китая, стремясь к созданию механизмов мониторинга ядерных арсеналов России и КНР²⁹.

По проблемам реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) и противоракетной обороны (ПРО) в 2000-2024 гг. научный интерес вызывают труды А.Ф. Добрынина³⁰, Ю. Голотюк³¹, О. Одоколенко³², Н.Н. Сокова³³, А. Щелокова А³⁴, Р.О.

²² Серова Н. Америка напрашивается на «злого следователя». URL:<http://www.utro.ru/articles/2010/12/16/944221.shtml> (дата обращения 15.09.2022)

²³ Федякина А. Конгресс США притормозил выполнение договора о СНВ-3 //Российская газета. 12.05.2011.

²⁴ Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013.

²⁵ Замахина Т., Мисливская Г. Россия продлила действие Договора СНВ-3 до 2026 года. URL:<https://rg.ru/2021/01/27/rossiya-prodlila-dejstvie-dogovora-snv-3-do-2026-goda.html> (дата обращения 15.09.2023)

²⁶ Понамарев С.В. Политика США по «обнулению» договорной системы контроля над стратегическими вооружениями // АПЕ. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-po-obnuleniyu-dogovornoj-sistemy-kontrolja-nad-strategicheskimi-vooruzheniyami> (дата обращения 26.09.2025)

²⁷ Федякина А. Конгресс США притормозил выполнение договора о СНВ-3 //Российская газета. 12.05.2011.

²⁸ Замахина Т., Мисливская Г. Россия продлила действие Договора СНВ-3 до 2026 года. URL:<https://rg.ru/2021/01/27/rossiya-prodlila-dejstvie-dogovora-snv-3-do-2026-goda.html> (дата обращения 15.09.2023)

²⁹ Понамарев С.В. Политика США по «обнулению» договорной системы контроля над стратегическими вооружениями // АПЕ. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-po-obnuleniyu-dogovornoj-sistemy-kontrolja-nad-strategicheskimi-vooruzheniyami> (дата обращения 26.09.2025)

³⁰ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.). М.: Автор, 1996.

³¹ Голотюк Ю. Ломать – не строить //Время Новостей, 22.05.2001.

Лобанова³⁵, А.Арбатова, В.Дворкина³⁶, И.Сысоева³⁷, В.И.Мизина, В.М.Сергеева³⁸.

А. Щелоков в статье анализирует официальный отказ России от одностороннего моратория на развертывание ракет средней и меньшей дальности (РСМД), введенного после прекращения действия Договора РСМД в 2019 году. Данное решение представлено как прямая ответная мера на практические действия США и их союзников по размещению аналогичных ракетных систем, таких как "Тифон" и "Dark Eagle", в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В статье отмечается, что этот шаг знаменует собой окончание последних ограничений в данной сфере и приближает мир к новой гонке вооружений, возвращая логику холодной войны³⁹. В.И. Мизин и В.М. Сергеев в своей работе аргументируют, что современная концепция стратегической стабильности не должна сводиться лишь к недопущению ядерного конфликта между крупнейшими державами, а требует учета всей совокупности факторов, определяющих парадигмы безопасности, включая такие дестабилизирующие элементы, как программы ПРО. В качестве основной цели ставится задача выработки новых основ и параметров стратегической стабильности на глобальном уровне, при этом отмечается, что политика США и НАТО пока делает невозможным переход к безъядерному миру⁴⁰. Статья Лобанова Р.О. посвящена анализу процесса формирования национальной системы противоракетной обороны США на рубеже XX–XXI веков. Автор рассматривает политические и военно-стратегические аспекты этой программы, оценивая ее как прямой вызов стратегической стабильности и национальной безопасности России. В работе

³² Одиоколенко О. Ждите ответа. Асимметричного //Сегодня, 23 мая 2000.;

³³ Соков Н.Н. Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки //Ядерный Контроль. 1997. №26. С.5.

³⁴ Щелоков А. Конец ДРСМД: Россия отменила мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности.

URL:<https://www.mn.ru/smart/konecz-drsmd-rossiya-otmenila-moratorij-na-razvertyvanie-raket-srednej-i-menshej-dalnosti> (дата обращения 01.09.2025)

³⁵ Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века). /Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. /Сб. научных трудов, вып. 9. М., 2011. С.51-52.

³⁶ Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, 511 с.

³⁷ Сысоев И. С какими сложностями столкнутся США при создании революционной системы ПРО "Золотой купол". 21.05.2025. URL:<https://rg.ru/2025/05/21/pod-nebom-golubym-est-kupol-zolotoj.html> (дата обращения 15.08.2025)

³⁸ Мизин В.И., Сергеев В.М. Современные концепции стратегической стабильности // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 150-166.

³⁹ Щелоков А. Конец ДРСМД: Россия отменила мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности.

URL:<https://www.mn.ru/smart/konecz-drsmd-rossiya-otmenila-moratorij-na-razvertyvanie-raket-srednej-i-menshej-dalnosti> (дата обращения 01.09.2025)

⁴⁰ Мизин В.И., Сергеев В.М. Современные концепции стратегической стабильности // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 150-166.

также исследуется влияние развертывания ПРО на международные отношения и ключевые договоры в сфере контроля над вооружениями⁴¹.

Источниковая база исследования включает комплекс опубликованных и неопубликованных материалов и может быть сгруппирована в несколько блоков.

1. *Архивные документы*. Исторические документы из Архива внешней политики РФ (ф.84) свидетельствуют о двойственности процессов, сопровождавших подписание Договора о РСМД. С одной стороны, в ходе переговоров был выработан беспрецедентный механизм взаимного инспекционного контроля между сверхдержавами, который заложил основу для будущих соглашений по СНВ. С другой стороны, в тот же период блок НАТО инициировал разработку «компенсационных мер», направленных на нивелирование последствий договора. В рамках этой стратегии планировалось разместить в Западной Германии новые ракеты «Лэнс» и усилить группировки обычных вооружений. Этим планам, однако, не суждено было сбыться из-за кардинального изменения геополитической картины мира, вызванного распадом СССР и Варшавского Договора⁴².

2. *Концептуальные документы и документы стратегического планирования*. В исследовании использованы российские Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики, Послание Президента РФ Федеральному собранию, статьи российских президентов⁴³; американские Стратегия национальной безопасности, речи президента США и др. Привлеченные источники позволяют проследить эволюцию концептуальных основ российской внешней политики в сфере разоружения.

3. *Документы двусторонних встреч и договоры по разоружению*. В работе были проанализированы советско\российско-американские договоры в сфере разоружения, совместные заявления глав России и США, которые

⁴¹ Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века). /Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. /Сб. научных трудов, вып. 9. М., 2011. С.51-52.

⁴² АВП РФ. Ф.84. Оп.3. П.6. Д.17.

⁴³ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения 15.04.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 15.07.2025); Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. N 991. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (дата обращения 01.04.2025); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения 15.04.2025); Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 15.04.2025) и др.

позволяют исследовать количественные и качественные показатели сокращения вооружений, генезис проблемы противоракетной обороны⁴⁴.

Применение метода критического анализа к систематизированному изучению источников обеспечило объективность и достоверность проведенного научного исследования.

Цель работы - исследовать российскую политику в сфере контроля и сокращения вооружений в 2000-2024 гг. Заявленная цель предопределила следующие задачи:

1. Исследовать концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2000-2013 гг.
2. Проанализировать концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2014-2024 гг. гг.
3. Рассмотреть позицию России в переговорном процессе с США по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договору о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2010 гг.
4. Исследовать реализацию российско-американского Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2012-2023 гг. и позиция России.
5. Проанализировать позицию России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД).
6. Рассмотреть позицию России по противоракетной обороне.

Научная новизна диссертации определяется поставленными целью, задачами, содержанием и полученными в ходе исследования результатами. Проведено комплексное исследование эволюции российской внешней политики в сфере контроля и сокращения вооружений в 2000-2024 гг. с учетом специальной военной операции, усиливающейся конфронтации со странами Запада, создания, эксплуатации и расширением США системы противоракетной обороны и разрушающейся структуры договоров по разоружению; дана объективная оценка российской позиции по разоружению, причин денонсации, приостановления и выхода Москвы из договоров по сокращению вооружений; предложена авторская периодизация эволюции российской политики в указанной сфере с учетом нарастания противостояния с США как основным партнером в переговорах по разоружению, углубления российско-украинского кризиса, созданием

---

⁴⁴ Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. / СИМО. Т.4. С.564-565; Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). 8 апреля 2010 г. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021); Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 1987 г. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1751591/ (дата обращения 15.09.2024); Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки о стратегической стабильности 24 июня 2010 года. Вашингтон. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021) и др.

обеими странами новых видов вооружений; дана авторская оценка нормативным документам в сфере сокращения вооружений в контексте продолжающейся трансформации международных отношений и усиления силового фактора; определены деструктивные последствия разрушения договорно-правовой базы сотрудничества великих держав в сфере контроля над вооружениями в контексте национальных интересов России и международной безопасности; доказано влияние проблемы противоракетной обороны как основного дестабилизирующего фактора в процессе разоружения. Исследование проведено с использованием архивных документов.

Положения, выносимые на защиту.

1. С 2000 по 2024 год внешняя политика России в области контроля над вооружениями прошла два этапа, разделенных кризисом 2013-2014 годов. Этот перелом ознаменовал переход от ограниченного сотрудничества с США к открытой конфронтации. Ключевым отличием текущего этапа является смещение центра противостояния на постсоветское пространство. Москва расценивает растущую активность Вашингтона в регионе — от поддержки «цветных революций» и военного сближения с странами СНГ до событий в Грузии (2008) и на Украине (2014) — как прямую угрозу своим интересам. Апогеем этой конфронтации стала полномасштабная военно-финансовая поддержка США Украины после начала СВО.

2. Внешняя политика России в сфере контроля над вооружениями претерпела значительную трансформацию: от курса на стратегическое партнерство с Западом в начале 2000-х годов к политике сдерживания в условиях нарастающей конфронтации. Если изначально Россия рассматривала себя как часть «демократической солидарности» и стремилась к интеграции в западную систему безопасности, то впоследствии, столкнувшись с расширением НАТО и развертыванием элементов ПРО у своих границ, она перешла к более жесткой позиции. К 2024 году ядерное сдерживание официально рассматривается как мера противодействия военным коалициям, которые рассматривают Россию как противника.

3. Успешное заключение такого комплексного документа, как СНВ-3, не разрешило фундаментальных противоречий, связанных с односторонними действиями США в области ПРО и стратегическим дисбалансом. Это привело к тому, что в Москве договор был оценен, с одной стороны, как инструмент укрепления безопасности, а с другой стороны, как вынужденная мера в условиях, когда реальная политика стала основываться не на декларативных намерениях, а на расчете военных возможностей и готовности к новой гонке вооружений.

4. Кризис в реализации Договора СНВ-3 имеет фундаментальные, системные корни. Сложившаяся ситуация наглядно демонстрирует, что даже самые совершенные механизмы контроля над вооружениями оказываются неработоспособными в условиях эрозии политического доверия и нарастающего геополитического противостояния. Такие факторы, как кризис

верификации, влияние внешних дестабилизирующих событий и общая деградация двусторонних отношений, привели к фактическому замораживанию действия последнего соглашения, которое сдерживало рост стратегических арсеналов двух ведущих ядерных держав мира.

5. С течением времени Москва все более жестко увязывает выполнение договоров по контролю над вооружениями с общим состоянием отношений с Западом. Эта тенденция проявилась еще в 2002 году, когда Россия вышла из Договора СНВ-II в ответ на выход США из Договора по ПРО. В 2023 году приостановка участия в СНВ-3 была прямо обусловлена требованием к США "отказаться от враждебного курса".

6. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) был краеугольным камнем системы договоров, завершивших холодную войну. Его крах поставил под сомнение будущее других ключевых соглашений, в первую очередь Договора СНВ-III (о стратегических наступательных вооружениях), который оставался последним действующим крупным договором между США и Россией. Возникла прямая угроза возобновления размещения в Европе ракет средней дальности, как американских, так и российских. Это возвращает континент к ситуации 1980-х годов, когда у стран было всего несколько минут для принятия решения об ответном ударе, что резко повышает риск конфликта по ошибке или из-за ложного срабатывания систем. В Азиатско-Тихоокеанском регионе США получили возможность развёртывать такие ракеты для сдерживания Китая.

7. Проблема ПРО стала одним из основных факторов, затормозивших дальнейшие шаги по разоружению. Угроза со стороны американской ПРО являлась одной из главных причин, по которым Россия была вынуждена сохранять и модернизировать свой ядерный арсенал, а также выходить из договоров, которые более не обеспечивали ее безопасность в условиях развития новых технологий Вашингтоном. Позиция России по проблеме ПРО является частью более широкого подхода к национальной безопасности, основанного на сохранении стратегического паритета. Поскольку диалог с США и НАТО по этим вопросам заблокирован, Москва продолжит курс на развитие ударных систем для преодоления ПРО и укрепление собственных оборонительных систем в кооперации с политически близкими государствами.

Методы исследования. В качестве методологической базы исследования был избран комплексный (системный) подход. Он потребовал учета всего спектра факторов, определявших становление российской внешней политики в области разоружения, и анализа их в развитии, с опорой на принципы научной объективности, всестороннего изучения источников и сложившейся историографической традиции. Работа осуществлена в парадигме теории структурного реализма (неореализма), что позволило проанализировать деятельность российского государства в сфере контроля над вооружениями и выявить не только ее успехи, но и коренные причины

эрозии и последующего разрушения соответствующей договорно-правовой базы.

В процессе исследования был применен ряд научных методов: сравнительно-исторический метод дал возможность проследить эволюцию внешнеполитического курса в разные периоды, выделив общие и отличительные черты в ее формировании; ретроспективный метод помог установить предпосылки и причины как заключения, так и последующего свертывания ключевых разоруженческих договоров со стороны как России, так и США; конкретно-исторический метод обусловил рассмотрение динамики политики стратегического сдерживания в контексте реальных исторических условий и факторов, воздействовавших на этот процесс; хронологический метод лег в основу периодизации этапов развития политики России в сфере разоружения.

Научно-теоретическое и практическое значение. Данное исследование имеет научное значение, т.к. затрагивает ряд теоретических вопросов истории международных отношений и внешней политики России в сфере ядерного сдерживания, контроля и сокращения вооружений. Практическое значение диссертации состоит в том, что ее материал может быть использован в конкретной внешнеполитической деятельности России, при формировании стратегии в военной и ядерной сферах. Материал исследования, выводы и оценки имеют познавательную ценность и могут быть полезны в преподавании истории международных отношений, современных международных отношений, новейшей истории в ВУЗах.

Апробация исследования. Основные положения и выводы работы изложены в четырех статьях, из них в трех статьях в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность исследования, определены его предмет и объект, цель и задачи, хронологические рамки, методология и методы, степень изученности проблемы и представлен источниковый анализ.

Первая глава «Концептуальные основы внешней политики России в сфере контроля над вооружениями» - состоит из двух параграфов. Глава посвящена исследованию концептуально-нормативных основ российской политики в сфере разоружения.

В первом параграфе «Концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2000-2013 гг.» на основе всестороннего анализа представлена периодизация российской внешней политики в сфере разоружения и дан анализ первого периода. Обосновано, что политика России в 2000-2024 гг. прошла *два периода*, водоразделом между которыми лежит усиление конфронтации

между Россией и США, ядерными супердержавами и основными партнерами в сфере сокращения вооружений, на волне углубления российско-украинского кризиса. *Первый период* - в 2000-2013 гг. - характеризовался выработкой внешнеполитического курса в условиях сложившейся неблагоприятной международной конъюнктуры. Ключевыми вызовами национальной безопасности стали поступательная экспансия блока НАТО, односторонний выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО 1972 года, а также планы Вашингтона по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе в непосредственной близости от российских рубежей. В ответ на эти угрозы руководство страны в лице президентов Д.А. Медведева и вернувшегося к власти в 2012 году В.В. Путина сконцентрировалось на решении задач по усилению боеготовности Вооруженных Сил, развитию потенциала воздушно-космической обороны и модернизации арсенала стратегических ядерных сил.

В данный период произошли следующие фундаментальные изменения. Во-первых, смена внешнеполитической парадигмы. Произошел сознательный отход от курса 1990-х годов, который отличался американоцентричностью и нечеткостью в определении национальных приоритетов. С утверждением Концепции внешней политики в 2000 году был взят ориентир на построение многополярной мировой системы, где прагматичное и последовательное отстаивание российских государственных интересов стало безусловным приоритетом. В этом контексте механизмы контроля над вооружениями стали рассматриваться не как способ уступок, а как инструмент укрепления стратегической стабильности. Во-вторых, утверждение ядерного оружия как основы безопасности. Роль стратегических ядерных сил была законодательно закреплена в качестве краеугольного камня обороноспособности и внешнеполитического влияния (что отражено в Военных доктринах 2000 и 2010 годов). Доктрина ядерного сдерживания, претерпевая определенную эволюцию, сохранила свою основу: ядерный потенциал рассматривался как главный фактор, предотвращающий крупномасштабную агрессию против России. В-третьих, зафиксирована проблема взаимосвязи СНВ и ПРО. Ключевым противоречием в диалоге с США с начала 2000-х стало намерение американской стороны создать глобальную систему ПРО. Российская Федерация заняла принципиальную позицию, настаивая на юридически закрепленном соглашении, ограничивающем возможности ПРО, поскольку ее развертывание расценивалось как подрыв сложившегося стратегического баланса. Лейтмотивом российской дипломатии стала формула: без договоренностей по ограничению ПРО не может быть и речи о новых соглашениях по стратегическим наступательным вооружениям. В-четвертых, произошел переход к требованию многосторонних форматов. Сложившаяся биполярная модель разоруженческого процесса (Россия – США) была признана не отвечающей современным реалиям. Начиная с Концепции внешней политики 2008 года, Москва стала активно продвигать идею подключения к

переговорам по контролю над вооружениями других ядерных держав, таких как Великобритания, Франция и Китай. Этот шаг стал практическим воплощением курса на формирование многополярного миропорядка. В-пятых, закрепилось использование контроля над вооружениями как инструмента политического торга. Российский подход не был направлен на разоружение как таковое. Сокращение вооружений рассматривалось в качестве элемента «стратегического торга» для достижения более широких внешнеполитических целей. Яркими примерами служат приостановление действия Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ) в 2007 году для оказания давления в связи с расширением НАТО, а также увязка любых новых договоренностей по СНВ с обязательным учетом факторов ПРО. В-шестых, обозначилась тактическая «перезагрузка» и ее пределы. Инициатива администрации Барака Обамы по «перезагрузке» двусторонних отношений, результатом которой стало подписание Договора СНВ-3 в 2010 году, была воспринята Москвой как тактическая пауза, а не стратегический разворот. Принятая в 2013 году Концепция внешней политики четко обозначила «красные линии», определив, что дальнейшее сокращение ядерных арсеналов невозможно без учета вопросов ПРО и вовлечения в процесс других обладателей ядерного оружия. К этому времени стало очевидно, что базовые противоречия (по ПРО, НАТО, региональным конфликтам) не устранины, и фаза конструктивного взаимодействия с Вашингтоном подошла к концу. В-седьмых, произошло становление суверенной и прагматичной модели. К 2013 году политика России в сфере контроля над вооружениями окончательно освободилась от идеалистических представлений 1990-х годов. Она трансформировалась в жесткий, прагматичный инструмент, нацеленный на принуждение Запада к равноправному диалогу. Ее конечной целью стало не просто сокращение вооружений, а формирование новой, более справедливой, с российской точки зрения, архитектуры глобальной безопасности, в которой интересы Москвы учитывались бы на паритетных началах с интересами США и НАТО.

Таким образом, период 2000–2013 годов стал временем становления и консолидации самостоятельной внешнеполитической линии России в области контроля над вооружениями. Эта политика, базирующаяся на жестком прагматизме и защите национального суверенитета, рассматривала международные договоры как значимый, но не единственный элемент обеспечения безопасности в условиях углубляющегося противостояния с западными странами.

Во втором параграфе «Концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2014-2024 гг.» представлен всесторонний анализ второго периода российской внешней политики в сфере разоружения. Доказано, что *второй период* - с 2013 по 2024 гг. - ознаменовался кардинальной трансформацией российского подхода к вопросам контроля над вооружениями. На смену прежней парадигме партнерства с западными странами пришла модель,

основанная на принципах конфронтации и стратегического сдерживания. Переломным моментом, определившим этот разворот, стал 2014 год, после которого отношения с Западом вступили в фазу открытой геополитической конкуренции. В ответ на такие шаги, как расширение альянса НАТО, развертывание системы противоракетной обороны и демонтаж ключевых договоров, Россией были предприняты меры оборонительного характера, направленные на нейтрализацию воспринимаемых угроз ее национальной безопасности.

В этих условиях Российская Федерация сформулировала новую, жесткую и обусловленную рамками разоруженческой политики. Ее суть заключается не в отказе от самого института контроля над вооружениями, а в выдвижении ряда обязательных требований. Центральными из них являются: неукоснительное соблюдение принципа взаимности и военного паритета, исключающее любые формы односторонних уступок; комплексный учет всех факторов стратегической стабильности, включая не только ядерные арсеналы, но и потенциал высокоточного неядерного оружия, силы ПРО, космические вооружения и концепции «глобального удара»; урегулирование проблемной ситуации с глобальной системой ПРО США, которая расценивается как подрыв основ паритета; а также переход к многостороннему формату переговоров с участием всех ядерных держав, таких как Великобритания, Франция и Китай.

Одновременно произошла фундаментальная переоценка роли ядерных сил. Ядерное оружие было официально закреплено в качестве основного гаранта государственного суверенитета и универсального инструмента сдерживания, применяемого как против ядерных, так и против масштабных обычных угроз. Эволюция доктринальных установок, нашедшая отражение в редакциях 2014, 2020 и 2024 годов, привела к расширению и детализации критерии возможного применения ядерного оружия. В их число вошли ситуации, возникающие в результате обычной агрессии, но несущие угрозу самому существованию государства, а также практика распространения ядерных гарантий на территории союзных государств, как в случае с Беларусью.

Для сохранения стратегического баланса в условиях наращивания военных потенциалов стран НАТО Россия избрала курс на технологическую модернизацию и разработку асимметричных средств противодействия. В рамках масштабной военной реформы был осуществлен качественный рывок в развитии вооружений, продемонстрированы уникальные комплексы, подобные гиперзвуковому «Авангарду», подводному аппарату «Посейдон» и авиационному ракетному комплексу «Кинжал». Эти системы призваны эффективно нейтрализовать технологическое превосходство потенциального противника и гарантировать неизменность паритета.

Ключевым следствием общего кризиса доверия стала системная деградация международно-правовой базы в сфере безопасности. Российская сторона характеризует свои шаги — такие как приостановка действия

Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и приостановка участия в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-III) — как вынужденные ответные меры на деструктивные действия Вашингтона и его союзников, приведшие к «развалу системы международного права».

Таким образом, за указанное десятилетие политика России в области контроля над вооружениями претерпела радикальные изменения, превратившись из кооперативной в жестко-оборонительную. Ее краеугольным камнем стало безусловное поддержание военного паритета любыми доступными средствами в обстановке, которую Москва квалифицирует как враждебную по отношению к ее коренным интересам безопасности. В новой концепции разоружение утратило статус самоцели и рассматривается исключительно как потенциальный инструмент, применение которого возможно лишь при полном и безоговорочном выполнении всех выдвинутых Россией условий, что в обозримой перспективе представляется маловероятным.

Вторая глава «Политика России по заключению и реализации Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2024 гг.» - состоит из двух параграфов. Глава посвящена исследованию российской позиции по заключению и реализации ДСНП и ДСНВ-3.

В первом параграфе «Позиция России в переговорном процессе с США по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договору о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2010 гг.» на основе всестороннего анализа обосновано, что постбиполярный период ознаменовался для России значительным сокращением ее геополитических позиций, что выразилось в утрате глобального веса и усилении угроз на региональном уровне. В этих условиях именно ядерный щит продолжил выступать ключевым гарантом национальной безопасности, а также основой для диалога с Соединенными Штатами как равной ядерной державой. Тем не менее, эволюция двусторонних отношений в 1990-х и 2000-х годах протекала на фоне принципиального расхождения в стратегических подходах обеих сторон.

Смена администрации в Вашингтоне и приход к власти Джорджа Буша-младшего привели к кардинальному изменению американского курса. США отказались от парадигмы договорных ограничений, взяв ориентацию на односторонние шаги. Ярким проявлением этой политики стал демарш США в отношении Договора по ПРО, который, однако, не помешал подписанию Договора о СНП. Данное соглашение носило скорее декларативный характер, поскольку его фундаментальными изъянами являлись отсутствие действенных процедур инспекции и физической ликвидации вооружений, а также сохраненная возможность оперативного

«возвратного потенциала», создававшая асимметричные преимущества для Вашингтона.

Некоторую нормализацию отношений удалось достичнуть в эпоху «перезагрузки» при президентах Обаме и Медведеве, результатом которой стало подписание более детализированного Договора СНВ-3. Несмотря на этот прорыв, в ходе переговоров со всей очевидностью проявились глубинные, не устранимые противоречия. Центральной точкой напряжения стала проблема ПРО: российская сторона требовала юридически зафиксированной взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. США же, ограничившись лишь упоминанием этой связи в преамбуле документа, сохранили за собой полную свободу для развертывания своей системы противоракетной обороны.

В итоге Договор СНВ-3, безусловно, стал значительным шагом вперед, установив более строгие лимиты и прозрачные механизмы контроля. Однако Москва справедливо указала на ряд заложенных в нем системных перекосов. Среди них — игнорирование ядерных арсеналов Великобритании и Франции, наличие лазеек в учете американских стратегических бомбардировщиков, позволявших США негласно превышать установленные пороги, а также нарастающая угроза от развертываемой ПРО для сокращенного российского стратегического арсенала.

Процедура ратификации договора в США и России сопровождалась взаимными предварительными условиями и оговорками, которые де-факто легитимизировали состояние обоюдного недоверия. Американская сторона, обеспечивая ратификацию, параллельно не давала гарантии о дальнейшем развитии своей ПРО. В ответ Россия в своем федеральном законе о ратификации прямо закрепила право на выход из Договора СНВ-3 в том случае, если развертывание американской системы ПРО станет представлять угрозу для эффективности ее сил ядерного сдерживания.

Таким образом, динамика взаимодействия между Россией и США — ключевыми участниками переговорного процесса по разоружению — в сфере контроля над вооружениями на данном этапе демонстрирует отход от партнерской риторики к жесткому прагматизму. Даже успешное заключение столь комплексного соглашения, как СНВ-3, не смогло разрешить фундаментальных разногласий, вызванных односторонними действиями США в сфере ПРО и стратегическим дисбалансом. Это привело к двойственной оценке Договора в Москве: с одной стороны, он рассматривался как инструмент укрепления стабильности, а с другой — как вынужденная и прагматичная мера в условиях, когда реальная политика стала определяться не декларациями, а сухим расчетом военных потенциалов и готовностью к потенциальному витку гонки вооружений.

Во втором параграфе «Реализация российско-американского Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2012-2023 гг. и позиция России» на основе всестороннего анализа доказано, что динамика российско-американского взаимодействия в сфере контроля над

вооружениями изначально носила волнообразный характер, где периоды согласованных действий неизбежно чередовались с этапами глубоких разногласий. В настоящий момент двусторонние отношения переживают один из таких кризисов. Однако современная фаза имеет качественные отличия, главным из которых является смещение эпицентра противоречий на постсоветскую территорию.

Активность Вашингтона в этом геополитическом пространстве планомерно усиливалась, начиная с событий почти двадцатилетней давности. В данный процесс включены поддержка смены политических режимов в 2003-2004 гг., интеграция армий ряда государств, образовавшихся после распада СССР, в программы военных учений альянса НАТО, а также пятидневная война в Закавказье в 2008 году. Знаковым рубежом стал украинский кризис 2013-2014 годов, приведший к кардинальной эскалации конфронтации с Москвой. Апогеем этой политики стала масштабная финансовая и военно-техническая помощь Киеву после начала Специальной военной операции.

Нарастающие сложности с выполнением Договора СНВ-3 демонстрируют системный сбой в механизмах двусторонних отношений. Данная ситуация наглядно иллюстрирует, что даже самые совершенные инструменты верификации утрачивают эффективность в условиях разрушения основ политического диалога и нарастания геополитической напряженности. Кризис в сфере взаимного контроля, влияние внешних дестабилизирующих сил и общая деградация отношений привели к тому, что единственное оставшееся соглашение, ограничивающее стратегические арсеналы двух ведущих ядерных держав, было заморожено.

Таким образом, возрождение системы контроля над вооружениями невозможно без кардинальных изменений не в технической, а в политической плоскости. Для этого необходим возобновленный стратегический диалог на принципиально новой основе. Перспективы сохранения стратегической стабильности в мире сегодня зависят от того, сумеют ли Россия и США выработать новые форматы взаимодействия, поскольку прежняя договорно-правовая система переживает фундаментальный кризис и более не соответствует текущим реалиям.

На протяжении указанного периода Российской Федерацией подтверждала свою приверженность международно-правовому режиму, направленному на сдерживание гонки ядерных вооружений, который стал наследием эпохи двусторонних отношений между СССР и США. Показателем этой последовательной линии стало заключение в 2002 году Договора о СНП, а также дальнейшие усилия по разработке и ратификации СНВ-3, который начал действовать с 2011 года. Эти шаги свидетельствовали о готовности Москвы сохранять конструктивный диалог, несмотря на растущую геополитическую напряженность.

Сравнительный анализ двух соглашений демонстрирует их существенные различия. Договор СНП, действовавший до 2011 года, носил

скорее рамочный характер. Он фиксировал общий потолок для развернутых боеголовок в диапазоне 1700–2200 единиц, но не предусматривал надежных процедур верификации. Данный пробел позволял сторонам не ликвидировать излишки вооружений, а переводить их в состояние резерва. В свою очередь, Договор СНВ-3 ознаменовал качественно новый этап в области разоружения. Он установил строгие и поддающиеся контролю ограничения не только на количество боеголовок (1550 ед.), но и на носители (700 ед.) и пусковые установки (800 ед.). Важным элементом договора стал механизм взаимных инспекций на местах и регулярного обмена информацией.

В 2023 году российская сторона приняла решение не о денонсации Договора СНВ-3, а о приостановлении своего в нем участия. Данный маневр можно рассматривать как новый элемент в дипломатическом инструментарии государства. В обоснование своей позиции Москва указала на прямую вовлеченность Соединенных Штатов в украинский кризис, наличие западных ограничительных мер, которые, по ее утверждению, создавали препятствия для проведения инспекций на американской территории, а также в целом на конфронтационную линию Вашингтона. Таким образом, формально оставаясь стороной соглашения, Россия прекратила его практическое исполнение, включая инспекционную деятельность, предоставление данных и работу совместных комиссий.

Важнейшим аспектом является наблюдаемая с течением времени трансформация подхода Москвы. Российская Федерация все более отчетливо ставит дальнейшее соблюдение договоров в сфере контроля над вооружениями в прямую зависимость от общего характера взаимоотношений с западными странами. Эта тенденция начала проявляться еще в 2002 году, когда Россия ответила выходом из Договора СНВ-II на односторонний выход США из Договора по ПРО. В 2023 году приостановка участия в СНВ-3 была напрямую обусловлена требованием к американской стороне «пересмотреть свою деструктивную политику».

При этом, отказываясь от текущей реализации договора, Россия сохранила потенциал для его возобновления. Так, в 2025 году Президент В.В. Путин заявил о готовности в течение года после истечения срока действия СНВ-3 в феврале 2026-го придерживаться его лимитов, но только при условии ответного шага со стороны США. Эта позиция отражает двойственный подход: с одной стороны, стремление избежать правовых обязательств в условиях острой конфронтации, а с другой — понимание рисков нерегулируемой стратегической гонки и ценности поддержания хотя бы минимального уровня предсказуемости.

Третья глава «Политика России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) и по проблеме противоракетной обороны (ПРО) в 2000-2024 гг.» - состоит из двух параграфов и посвящена исследованию советской/российской политики в ходе заключения, реализации и расторжения ДРСМД и по проблеме ПРО.

В первом параграфе «Позиция России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД)» на основе всестороннего анализа обосновано, что расторжение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) ознаменовало собой критический рубеж в сфере международной безопасности, обнажив структурные кризисы в системе контроля над вооружениями. Коллапс этого соглашения не был спонтанным актом, а явился логическим итогом длительного накопления системных противоречий между сторонами.

Политико-дипломатический кризис вокруг Договора приобрел открытую форму с 2013 года, когда американская сторона заявила о разработке Российской Федерацией крылатой ракеты 9М729 (SSC-8). По оценкам США, ее дальность полета выходила за установленные лимиты в 500 километров, что трактовалось как прямое нарушение положений ДРСМД. Несмотря на попытки Вашингтона урегулировать инцидент дипломатическими каналами, в Кремле, по мнению американцев, не проявили готовности к прозрачному диалогу и предприняли шаги по сокрытию характеристик ракеты.

Москва, в свою очередь, категорически отвергла выдвинутые обвинения и сформулировала встречный перечень претензий, ключевыми из которых стали:

- размещение США на территории Европы (в Румынии и Польше) наземных пусковых установок «Aegis Ashore» в рамках системы ПРО. Российская сторона настаивала, что эти инфраструктурные объекты обладают потенциалом для применения ударных крылатых ракет «Томагавк», что подрывает не только дух, но и букву достигнутых ранее договоренностей;
- использование Соединенными Штатами при испытаниях ракет-мишеней, чьи тактико-технические параметры соответствуют запрещенным классам вооружений;
- дисбаланс, вызванный деятельностью держав, не являющихся сторонами Договора, в первую очередь Китая, который активно наращивает свой арсенал ракет средней дальности, создавая для России стратегически невыгодную ситуацию.

Фундаментальной проблемой ДРСМД являлась его ограниченность как двустороннего советско-американского акта. К моменту его прекращения документ уже не отвечал реалиям многополярного мира, не накладывая ограничений на стремительно растущие ракетные потенциалы третьих стран. Этот аргумент стал центральным в позиции Вашингтона: США, по их мнению, не могли оставаться связанными по рукам и ногам договором, в то время как другие игроки, такие как Китай, свободно развертывали тысячи аналогичных ракет.

Кроме того, появление новых видов угроз, включая гиперзвуковое оружие и иные передовые технологии, не регламентированные положениями ДРСМД, указывало на его устаревание. Крайне негативный фон создало

обострение отношений после 2014 года, взаимные санкции и обвинения в гибридной войне, которые полностью уничтожили тот уровень доверия, который является необходимым условием для функционирования системы верификации и контроля над вооружениями.

Прекращение действия ДРСМД имело далеко идущие системные последствия для глобальной стабильности. Договор был краеугольным камнем в системе соглашений, завершивших Холодную войну. Его крах поставил под сомнение жизнеспособность других ключевых документов, в первую очередь ДСНВ-III, который остается последним действующим крупным договором между Вашингтоном и Москвой. Возникла реальная перспектива возобновления размещения в Европе американских и российских ракет средней дальности. Это возвращает континент к крайне опасной ситуации 1980-х годов, когда время на принятие решения об ответном ударе сокращалось до минут, многократно повышая риски случайной или основанной на ложном срабатывании системы эскалации до полномасштабного конфликта. США получили юридическую возможность развертывать подобные ракеты для сдерживания Китая, что провоцирует новую региональную гонку вооружений с участием США, КНР и их союзников. Ракеты меньшей и средней дальности, классифицируемые как нестратегические, часто рассматриваются в контексте ограниченных конфликтов. Однако их потенциальное оснащение ядерными боезарядами (как это было в период Холодной войны) размывает критически важный порог. Противник, подвергшийся атаке такой ракетой, может оказаться не в состоянии оперативно определить тип ее оснащения, что катастрофически увеличивает вероятность эскалации до полномасштабной ядерной войны.

Денонсация ДРСМД стала наглядным свидетельством неспособности ведущих мировых держав адаптировать механизмы контроля над вооружениями к вызовам новой, многополярной эпохи. Это создало крайне опасный прецедент, при котором другие страны могут начать в одностороннем порядке выходить из международных договоренностей, апеллируя к «национальным интересам». Таким образом, прекращение действия Договора стало одновременно и симптомом глубокого системного кризиса в отношениях между ядерными державами, и его катализатором. Мир вступил в качественно новую, более опасную и непредсказуемую фазу, где прежние правила утратили силу, а новые — еще не созданы.

Во втором параграфе «Позиция России по проблеме противоракетной обороны» на основе всестороннего анализа доказано, что односторонний выход Соединенных Штатов из Договора по противоракетной обороне (ПРО) в 2002 году, ознаменовавший демонтаж ключевого соглашения в этой области, предопределил кардинальный пересмотр Россией подходов к обеспечению своей национальной безопасности. Ответные меры Москвы были сфокусированы на интенсивной разработке перспективных видов стратегических вооружений, призванных гарантированно нейтрализовать любую существующую и перспективную

систему ПРО. Как подчеркивал Президент РФ Владимир Путин в 2018 году, именно эти действия Вашингтона вынудили Россию активизировать создание передовых образцов военной техники. Ключевым достижением на этом пути стало появление ракетного комплекса РС-28 «Сармат» — тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты, занимающей центральное место в арсенале средств преодоления эшелонированной противоракетной обороны.

Параллельно с созданием ударных потенциалов Москва проводит линию на укрепление коалиционной обороны, формируя объединенные региональные системы ПРО/ПВО вместе с партнерами по СНГ и ОДКБ. В этот процесс вовлечены такие государства, как Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Регулярные совместные учения позволяют отрабатывать применение объединенных сил противовоздушной обороны. Создание аналогичных систем, в частности с Таджикистаном, рассматривается аналитиками как механизм повышения надежности охраны внешних рубежей и формирования «буферной зоны», прикрывающей подступы к российской территории, что особенно актуально в контексте нестабильности, исходящей из Афганистана.

Вопросы противоракетной обороны неразрывно связаны с другими аспектами контроля над вооружениями. В 2014 году Вашингтон впервые публично обвинил Москву в нарушении Договора о РСМД (1987 г.), ссылаясь на испытания новой крылатой ракеты. До этого российская сторона указывала на неоднократные нарушения договора американской стороной в ходе создания глобальной системы ПРО. Эта полемика и взаимные претензии способствовали углублению кризиса доверия, в условиях которого проблема ПРО приобрела особую остроту.

Российская позиция по ПРО является составным элементом общей стратегии национальной безопасности, нацеленной на безусловное сохранение стратегического паритета. В ситуации, когда диалог с США и НАТО по этим вопросам фактически заблокирован, Москва избрала курс на развитие высокоэффективных ударных систем, способных преодолевать любую ПРО, и наращивание собственных оборонительных возможностей в кооперации с союзными государствами.

В 2019 году Россия в ответ на действия США инициировала прекращение действия ДРСМД. В качестве обоснования Москва ссыпалась на нарушение Вашингтоном договорных обязательств, выразившееся в развертывании в Румынии и Польше системы «Иджис Эшор» с универсальными пусковыми установками Mk 41, которые потенциально могут использоваться для запуска ударных крылатых ракет. Кроме того, подчеркивалась неадекватность двустороннего формата договора в условиях, когда целый ряд стран, не связанных его ограничениями (в первую очередь Китай), активно наращивает арсеналы ракет средней и меньшей дальности.

Денонсация ДРСМД стала символическим финалом эпохи договорного контроля над вооружениями и переходом к доминированию стратегии

эскалации. На смену правовым режимам пришло открытое технологическое соперничество, в рамках которых Россия, сделавшая ставку на развертывание гиперзвуковых комплексов, сумела сохранить статус стратегического баланса с Соединенными Штатами.

На протяжении всего периода 2000-2024 гг. Москва последовательно расценивала создаваемую США глобальную систему ПРО как прямую угрозу своей способности к сдерживанию. С точки зрения российского руководства, даже ограниченные элементы американской ПРО подрывают стратегическую стабильность, поскольку теоретически могут нивелировать эффективность ответного удара. Это, в свою очередь, создавало бы для Вашингтона соблазн нанесения обезоруживающего первого удара, что дестабилизирует всю архитектуру международной безопасности.

Таким образом, проблема ПРО стала одним из ключевых факторов, препятствующих дальнейшему прогрессу в области разоружения. Угроза со стороны американской противоракетной обороны вынуждала Россию не только поддерживать и модернизировать свой ядерный потенциал, но и отказываться от участия в договорах, которые в новых условиях более не гарантировали ее безопасность.

В противовес американским программам ПРО Россия избрала стратегию достижения качественного технологического превосходства. Результатом этого курса стало создание и принятие на вооружение инновационных систем, таких как гиперзвуковые комплексы «Авангард» и «Кинжал». Эти средства позиционируются как обеспечивающие гарантированное поражение целей, преодолевая любые существующие и перспективные рубежи ПРО, и представляют собой асимметричный ответ на возникающие вызовы.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы его выводы и результаты, которые подтверждают положения, выносимые на защиту.

На протяжении 2000-2024 гг. подход Российской Федерации к вопросам контроля над вооружениями кардинально изменился. Изначальная установка на стратегическое взаимодействие с западными странами, актуальная для начала 2000-х годов, постепенно уступила место доктрине сдерживания в контексте углубляющегося геополитического противостояния. От идентификации в рамках «демократической солидарности» и стремления к встраиванию в западные механизмы безопасности Москва перешла к жесткой позиции, что было спровоцировано такими факторами, как поступательная экспансия НАТО и создание элементов системы ПРО в непосредственной близости от российских рубежей. В текущих условиях ядерный потенциал официально трактуется как инструмент противодействия военным альянсам, видящим в России стратегического противника.

Обновленный вариант ядерной доктрины, представленный в 2024 году, содержит более детализированные и расширенные критерии для возможного

применения ядерного оружия. Ключевым отличием от версии 2020 года стало прямое указание на то, что масштабная атака с использованием конвенциональных вооружений на Россию или ее союзника — Республику Беларусь, ставящая под вопрос их государственный суверенитет, может спровоцировать ядерный контрудар. Данная корректировка знаменует усиление российских обязательств перед партнерами в общей архитектуре сдерживания.

Современная российская военно-политическая мысль интегрировала в расчеты появление новых видов вооружений, оцениваемых как серьезные угрозы национальной безопасности. В их числе — гиперзвуковые комплексы, ударные БПЛА, высокоточное оружие неядерного класса и космические системы. В качестве асимметричного ответа Москва ведет активные разработки собственных перспективных образцов военной техники. Такие системы, как гиперзвуковая ракета «Циркон» или ракетный комплекс «Орешник», являются высокоэффективными неядерными средствами сдерживания, чья разрушительная мощь способна сравняться с тактическим ядерным оружием.

Адаптация российской политики была неизбежна в свете разрушения устоявшейся за долгие годы системы международных договоров по контролю над вооружениями (например, ДОВСЕ). В этой ситуации произошел закономерный отказ от восприятия ограничений как безусловной ценности и переход к курсу на укрепление национального оборонного потенциала. Это, в свою очередь, актуализировало вопрос о критической необходимости мобилизационных резервов в экономике и промышленном секторе. Опыт новейшего времени продемонстрировал, что современное противостояние сопряжено с огромным расходом материальных средств, что требует от ВПК способности к оперативному переходу на рельсы массового производства.

Реагируя на политику изоляции, проводимую «коллективным Западом», Москва взяла курс на укрепление собственной системы союзов и сфер влияния. В официальных стратегических документах, включая обновленную ядерную доктрину, фокус сместился на сдерживание не конкретных государств, а крупных военных коалиций в целом. Параллельно Россия наращивает сотрудничество в рамках постсоветских интеграционных структур (ОДКБ, ЕАЭС), а также с другими не-западными мировыми центрами силы, что отражает ее стремление к построению многополярной модели глобальной безопасности.

Таким образом, трансформация российской позиции в сфере контроля над вооружениями наглядно иллюстрирует переход от попыток интеграции в западную систему безопасности к суверенной и жесткой политике сдерживания. Эта новая стратегия базируется на интенсивном развитии передовых военных технологий, а также на активном укреплении региональных союзнических отношений.

Итоговая трансформация российской внешней политики в 2000-2024 гг. характеризуется следующими фундаментальными тенденциями:

- от кооперации к конфронтации: произошел переход от партнерского взаимодействия с Западом в сфере контроля над вооружениями к силовой конфронтации, где передовые виды вооружений рассматриваются в качестве основного инструмента обеспечения безопасности и оказания дипломатического давления;
- доминанта стратегического паритета: сформулирована готовность к одностороннему выходу из любых международных договоров, которые, по оценкам Москвы, подрывают стратегическую стабильность и наносят ущерб обороноспособности страны;
- доктринальная эволюция: ядерное оружие и новейшие ракетные системы в официальной риторике стали трактоваться не только как средство сдерживания глобального конфликта, но и как фактор сдерживания и деэскалации крупномасштабных конфликтов с применением обычных вооружений.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основное содержание диссертационного исследования изложено в 4 статьях объемом 3,8 п.л., из них в 3 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования России:

1. Иокша Р.Н. Стратегические основы ядерной политики Российской Федерации в 2014-2024 гг. / Р.Н. Иокша // Современная научная мысль. - 2025. - № 5. - С.158-162. (0,6 п.л.)
2. Иокша Р.Н. Проблема реализации и продления российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) в 2011-2025 гг. / Р.Н. Иокша // Человеческий капитал. - 2025. - № 10 (202). - С. 20-29. (1,4 п.л.)
3. Иокша Р.Н. Проблема противоракетной обороны и национальная безопасность России в 2002-2025 гг. / Р.Н. Иокша // Современная научная мысль. - 2025. - №6. - С.155-160 (1 п.л.)

Статьи в других изданиях:

4. Иокша Р.Н. Современное состояние проблемы разоружения и позиция России / Внешняя политика и международные отношения в XX-XXI вв. Международная научная конференция. 21 мая 2024 г. (сборник статей) // Дипломатическая академия МИД России. М., 2024. - С.78-83. (0,8 п.л.)